

Title	Философские идеи Василия Гроссмана
Author(s)	Ланин, Борис
Citation	Acta Slavica Iaponica, 36, 25-38
Issue Date	2015
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/60023
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI36_002.pdf

Философские идеи Василия Гроссмана*

Борис Ланин

Философия значительно изменилась в XX веке. Когда мы говорим о философии того или иного писателя XX века, прежние подходы нуждаются в пересмотре. «О философии современной нельзя говорить, как мы говорим о философии Гегеля или Канта. Философия потеряла своего традиционного и всемогущего субъекта, теперь она представляет собой координацию различных аналитических методов, которые сформировались за последние полвека. Пришедшие в XX веке новые неклассические философии (Гуссерль, Бергсон, Шелер, Хайдеггер, Сартр) изменили раз и навсегда картину мира, которая казалась нам понятной, начиная с первых уроков родной географии. Вместо нее перед нами предстали разнoproстранственные и разновременные фрагменты событий, которые обретают смысл только благодаря нашему постоянному усилию понимания. Именно по этой причине философия сегодня больше принадлежит собственному времени, чем какой-либо традиции. Трудно сегодня назвать кого-либо философом, в том числе и самого себя»,¹ — утверждает крупный современный философ и культуролог Валерий Подорога. Невозможно говорить о философии абстрактного писателя XX века так же системно, как мы говорим о философии Достоевского или Толстого. Это положение является для нас отправной точкой, когда мы анализируем философию Василия Гроссмана. Кроме работ И. Касавина, практически нет исследований, в которых мировоззрение Гроссмана было бы представлено в философском аспекте. Между тем герои Гроссмана охотно философствуют. Они проводят время в философских спорах в романе «Жизнь и судьба», ведут философские дневники, как, например, Иван Григорьевич в повести «Все течет», наконец, зачастую подлинным философом выступает повествователь в этих последних произведениях Гроссмана. Изучить философские аспекты творчества Василия Гроссмана — задача нашей статьи.

У советского писателя официально могла быть только одна философия — марксистско-ленинская. Так как Василий Гроссман учился в советском университете и успешно его закончил, он изучал три составные части марксистско-ленинской философии: диалектический материализм, исторический материализм и научный коммунизм. Однако всю свою

* This publication is prepared with support of the Japan Society for the Promotion of Science and Russian Institute for Prospective Studies and Technologies at Moscow State University for the Humanities.

1 Подорога В. Валерий Подорога, философ // Афиша. 29 января 2014 [<http://vozduh.afisha.ru/art/valeriy-podoroga-filosof/>], Интервьюер: Феликс Сандалов.

жизнь Гроссман посвятил разработке собственной писательской философии, которая основывалась на особых представлениях о свободе и духе.

Метафорически эта философия выражена в рассуждениях академика Чепыжина о «квашне жизни», в которой все перемешивается. Однако в работе над романом «Жизнь и судьба» его философия приобрела более отчетливый характер.

В солидной книге о Гроссмане Дарья Клинг указала на полузабытую статью литературного критика Вячеслава Клавдиевича Завалишина, эмигранта второй волны. В 1953 году он говорил о «неодекадентах» в советской литературе, причисляя к ним в первую очередь К. Паустовского, А. Платонова, Э. Казакевича, В. Охотникова и В. Гроссмана. Критик отмечал, что «им сделана попытка создать собственную философию, сложившуюся под влиянием экзистенциалиста Хайдеггера, с книгой которого "Sein und Zeit" (1927, «Бытие и время» в русском переводе — Л.Б.) Гроссман познакомился во время поездки по оккупированной большевиками Германии, и теории естествоиспытателя Гурвича, которого 'Правда' когда-то назвала неприкрытым антимарксистом».² Молодая исследовательница весьма подробно комментирует эту статью и указывает, что в одной из статей 1989 года тоже говорилось о чертах экзистенциализма в творчестве Гроссмана.³ Она замечает, что критик неправ, приписывая влияние Хайдеггера пьесе Гроссмана «Если верить пифагорейцам»: ведь она была написана в 1941 году, а Завалишин указывает, что с работой Хайдеггера Гроссман познакомился лишь в 1945 г. Конечно, Д. Клинг права, но стоило пойти дальше. Дело в том, что Завалишин ссылается на некую статью в красноармейской газете, которая издавалась в советской оккупационной зоне Германии. При этом он ошибочно пишет, что пьеса «Если верить пифагорейцам» вышла в 1953 г. На самом деле она вышла в 1946 году. Газету в военном архиве найти невозможно, а тем более статью с таким указанием. Мы не знаем, достаточен ли был немецкий у Гроссмана, чтобы читать в подлиннике Хайдеггера (на французском-то он еще в швейцарской школе учился, а потом еще у матери Екатерины Савельевны). Биолог А.Г. Гурвич тут тоже не при чем. Как верно пишет Д. Клинг, «несмотря на то, что критик не конкретизирует это наблюдение, можно предположить, что речь идет о теории биологического поля, понимаемого А. Гурвичем как принцип саморегуляции, упорядоченности процесса деления клеток».⁴ Я здесь не вижу ничего общего с романом Гроссмана «За правое дело» и с теорией академика Чепыжина о «жизненной квашне».

2 Завалишин Вяч. XIX съезд партии и «рецидив буржуазного декаданса» в литературе // Новый журнал. 1953. № 33. С. 164.

3 Ляшева Р.П. С. Кьеркегор, В. Соловьев и современная советская проза // Филологические науки. 1989. № 1. С. 9–14.

4 Клиг Д. Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом Марины Цветаевой, 2012. С. 57.

К сожалению, вряд ли можно безоглядно доверять критику Вяч. Завалишину. Его трагическая судьба — а он дважды побывал в лагере — привела его к традиционной болезни русского интеллигента. Большую библиотеку и архив Завалишина уничтожил пожар — такая беда часто случается с безмерно пьющими людьми, не соблюдающими меры предосторожности. У него было легкое перо, но все гонорары он пропивал, не заботясь о точности деталей и своих аргументов.⁵

Гораздо больше оснований предполагать, что Гроссман испытал влияние Ж.-П. Сартра, чьи важнейшие работы уже были известны в Советском Союзе в начале войны, как отмечает И.Т. Касавин. Василий Гроссман свободно владел французским, и наверняка работы популярнейшего философа могли привлечь его внимание.

Вообще, уже упоминавшийся ученый-философ И.Т. Касавин внес значительную лепту в понимание философии Гроссмана. Он проанализировал структуру времени в романе как философской и эстетической категории:

Многообразие личностного времени так же глубоко задевает и Гроссмана. Многолетнее заключение в тюрьме складывается в сознании узника в «одновременное ощущение краткости и бесконечности». Девочка, протанцевавшая на новогоднем балу до утра, воспринимает каждое событие столь стремительным, что оно не оставляет в сознании ощущения протяженности во времени. «Но сумма этих коротких событий породила ощущение большого времени, вместившего всю радость человеческой жизни». Трансформации времени на войне еще более поразительны: «в бою секунды растягиваются, а часы сплюсчиваются», «рукопашный бой происходит вне времени», ощущение времени «раздирается» в клочья! Казалось бы, Гроссман рисует человека несвободным, зависимым от ситуации, но мне видится здесь другое — описание той свободы и одновременно адекватности миру, с которой человек творит мир своего сознания. Это сам человек сжимает и растягивает время, он способен выскочить из него, как пробка из бутылки, но он может и взглянуть на него как на актуально бесконечное множество... Человек под силу воскресить время и расцветить его невиданными красками, когда он лишен возможности иначе культивировать многообразие своей личности.⁶

Как мы видим, для философа ценно, что не человек (персонаж) является функцией от времени, а, напротив, время является функцией от человеческого сознания. «Человеческое» сознание героев Гроссмана по-

5 А. Генис в книге «Довлатов и окрестности» рассказывает об удивившем русских эмигрантов взломе квартиры Завалишина. Все знали, что вынести из его квартиры буквально нечего. Завалишин честно рассказывал, что воры ничего не взяли, зато забыли молоток и отвертку — орудия взлома...

6 Касавин И.Т. Свидание с многообразием. Философские идеи в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Наказание временем. Философские идеи в современной русской литературе. Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Издательство Российского открытого университета, 1992. С. 182.

звolyет им стать независимыми от исторического времени и сохранить свои этические принципы. И.Т. Касавин уточняет: *«Эта свобода обращения со временем, характеризующая живую человеческую душу, по мысли Гроссмана, есть нечто необобществляемое в человеке, неотчуждаемое от него. [...] Идея времени как субстанция жизни — высокое художественное обобщение, на которое отваживается Гроссман как бы ненароком»*.⁷

По мысли И.Т. Касавина, многогранное и разностороннее художественное постижение общества — как системы взаимодействующих индивидуальных сознаний и волевых воплощений интересов — у Гроссмана связано с бесконечно глубоким сознанием каждого отдельного человека. Это проникновение в сознание «каждого отдельного человека» и дает возможность Гроссману утвердить свою главную идею в романе: обосновать и художественно доказать идею философскому плюрализму, отраженную в концепции свободы.

Понятия, идеи, концепции не просто встроены в ткань произведения, они рождаются из него **с помощью современного читателя**, демонстрируя богатство писательского таланта. В этом принципиальное отличие Гроссмана от Л. Толстого и Ф. Достоевского или писателей-экзистенциалистов, которые одновременно разрабатывали специальную философскую доктрину. Философский плюрализм в современном его понимании — достаточно позднее произведение развитой философской традиции, которое большинству российской интеллигенции XX в. оказалось недоступным или чуждым.⁸

Личность в романе Гроссмана всегда непредсказуема и принципиально непознаваема. Это доказывается и тем, что его персонажи всегда совершают непредсказуемые поступки, реализуя свое право на свободу и плюрализм.

В более поздней работе И.Т. Касавин продолжил анализировать философию Гроссмана:

Время и талант... поставили перед Гроссманом задачу: не только зафиксировать человеческие страдания в тоталитарном аду, но и указать путь наверх, убедить в грядущем торжестве свободы... В романе Гроссмана мы наблюдаем, как идет этот поиск путей возвращения человека к самому себе в художественной рефлексии... Картина тоталитарного сверхнасилия дополняется описанием столь же фундаментального и непреложного факта — возможности выбора из первичного многообразия человеческой жизни того или иного варианта судьбы.⁹

Философия Гроссмана порой встречает неожиданные интерпретации. Современная исследовательница С.Н. Абдуллаева в статье «Время в романе В.С. Гроссмана 'Жизнь и судьба'» пишет:

7 Касавин. Свидание с многообразием. С. 183.

8 Касавин. Свидание с многообразием. С. 185.

9 Касавин И.Т. Штрихи к образу: Индивидуальная культурная лаборатория Василия Гроссмана // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 32–33.

Изображая время социалистического государства, автор ставит судьбу героев в прямую зависимость от политической ситуации этой эпохи. Время, изображаемое в романе, является определяющим фактором тех или иных поступков большинства персонажей.¹⁰

С такой зависимостью героев Гроссмана от времени невозможно согласиться. Все наоборот на самом деле. Роман написан для того, чтобы показать, что у человека всегда есть свобода, которую невозможно отнять: свобода выбора. Герои Гроссмана всегда оказываются в ситуации, когда нужно сделать выбор, чтобы утвердить свою человечность. Свобода в философии Гроссмана оказывается универсальным ключом, но особенно сильно она *проявляется вопреки обстоятельствам*, а отнюдь не в прямой зависимости от них. Несколько идущих подряд глав в ГУЛАГе показывают разных персонажей, всякий раз по-разному проявляющих свою свободу выбора. Изображаемое время для них циклическое, идущее по кругу время однообразных лагерных будней. Однако они находят в себе силы разорвать это время. Абрам Рубин отказывается не только «обменивать» свои ботинки на предлагаемые вором «взамен» рваные тапочки, но и не дает ему освобождения от работы. Абарчук, бывший муж Людмилы, столь жадно ждущий встречи с воюющим сыном и не знающий, что сын его уже погиб и похоронен в Саратове, решительно заявляет следовательно об убийцах Рубина. Его учитель старый коммунист Магар признается в тюремном медицинском изоляторе в страшной политической ошибке — отказе от свободы. Попрощавшись с Абарчуком, он кончает жизнь самоубийством. Одно и то же время — а какое разнообразие поступков, противостоящих самому духу времени.

Время для Гроссмана — карающая и судящая инстанция. Она исполнена морального смысла. В ней спрятаны все противоречия человеческой жизни. Каждый персонаж имеет свои счеты со временем. У персонажей Гроссмана есть романтическая черта. Они не стареют. Портреты не несут на себе печати времени. Для писателя важнее морально-психологический анамнез персонажа.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ И ПСИХОЛОГИЗМ ГРОССМАНА

Если философские поиски Гроссмана связаны с концептами плюрализма и свободы, то психологическое мастерство писателя продолжает толстовскую диалектику души и чеховскую психологию подтекста. В подтексте у героев Гроссмана — государственная система устрашения. Именно эта система делает главной мотивацией человека инстинкт, а не сознание, выжигает подсознание как базу поступков.

10 Абдуллаева С.Н. Время в романе В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки, 2012. № 2. С. 72.

Как известно, Гроссман принципиально считал себя учеником Льва Толстого. Известен эпизод, связанный с иллюстрированием несостоявшегося пятитомного собрания сочинений. Гроссман снял с полки несколько томов сочинений Толстого и попросил иллюстрировать свои сочинения именно так. Однако психологизм Гроссмана во многом исходит из его философии, а не из уроков великого классика.

А.П. Скафтымов писал:

В самом деле, что является наиболее характерным для рисунка Толстого? Очевидно, сцепленность, неразрывность внешнего и внутреннего бытия, многообразная сложность взаимно пересекающихся психологических линий, непрерывная актуальность заданных персонажу психических элементов, одним словом, та «диалектика души», которая образует собою непрерывный индивидуальный поток бегущих столкновений, противоречий, всегда вызванных и усложненных теснейшими связями психики с окружающей обстановкой текущего момента.¹¹

Конечно, здесь мы видим такое понимание «диалектики души», которое вошло в обиход после работ Н.Г. Чернышевского о «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого. Гроссман показал, что диалектика души выражается в противоположных друг другу поступках, как это бывало у Гетманова, Новикова, Штрума. Именно через эти поступки выражается толстовская формула «Все хороши и все дурны». Но советские люди были проще. В целом, для позднего Гроссмана советские люди, исковерканные и раздавленные жестокой эпохой, ненадежны, беспринципны и дурны. Они до безумия противоречивы. Комиссар Гетманов, один из самых омерзительных персонажей в романе, двуличный демагог, сначала благодарит полковника Новикова за службу, обнимает и целует его. Сразу же после этого, буквально через несколько минут, он передает особисту доклад на Новикова, в котором инкриминирует ему тот самый поступок, за который его благодарил. Когда же Новикова вызывают в Москву, в Главное управление высших командных кадров, и его трагическая судьба кажется предрешенной, Гетманов сам бросается писать письма в его защиту в самые высшие инстанции...

Быть человеческим для Василия Гроссмана означало стать подлинным героем, как стали героями Греков, Рубин, Березкин, отчасти Новиков. Персонажи проявляют свою моральную сущность во времени и со временем. В них нет никакой имманентной сущности. Они добры или подлы не сами по себе. Они чувствуют дух времени, именно *сопротивление духу времени* порождает в них те или иные нравственные качества. Время — это проявление всех конфликтов в творчестве Гроссмана. Невозможно ожидать никакого вневременного решения конфликта. Воля

11 Скафтымов А.П. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1968. С. 282.

человека уступает велению времени. Штрум может податься моменту. Время пройдет, пусть пройдет даже совсем немного времени, и Гроссман согласится с решением своего персонажа. Такое уже бывало у Толстого: в решающий момент герой самоустранился, и время все решает за него. Все происходит само собой. Время оказывается мудрее людей. Оно берет верх над человеческим стремлением взять судьбу в свои руки. Не суждено Штруму унижаться перед коллегами. Он может лишь сам себя осуждать. Не суждено Штруму публично каяться. Штрум не уступит тем, кто уговаривает его пойти покаяться. Правда, он начинал писать покаянное письмо, записывал какие-то словесные формулы, от которых он в конце концов отказался.

Неожиданно исследования Штрума получают признание со стороны высшего руководства страны, ему звонит домой Сталин, гонители посрамлены. Но все это было бы слишком простой развязкой моральной коллизии. Настанет момент и для жестокого суда героя над самим собой, когда он подпишет уже другое письмо — призывающее к выселению евреев в Сибирь — и сам присоединится к гонителям. Окажется, что Соколов, которого он считал чересчур осторожным и даже трусоватым, откажется подписать это письмо, а он, Штрум, не выдержал испытания. Он решил, что за государственное признание ему необходимо заплатить собственной совестью, а этическое у Гроссмана, как и у Толстого, разделено с эстетическим и порой противостоит ему.

Вынесенная в название романа дихотомия времени и судьбы уравнивает жизнь и течение времени. Время — это поток, в котором жизнь развивается и раскрывает психологические коллизии, которые приносят новые события. Новые события в свою очередь раскрывают этическое измерение времени. Нам представляется, что философия Гроссмана была глубоко личностной, продуманной и с художественной точки зрения оригинальной. Она во многом предшествовала работам Карла Поппера.¹²

Рассказы и повести Гроссмана 30-х годов — вполне обычные для советской литературы. Индустриализация, шахтеры, рабочие, партийные активисты и ветераны гражданской войны — повторяющиеся здесь характеры и темы. Идеи открытого общества (правда, не называемого так) прослеживаются в творчестве Гроссмана, начиная с его пьесы «Если верить пифагорейцам» (1946). Основанное Пифагором из Самоса, пифаго-

12 *Karl Raimund Popper* (28 июля 1902–17 сентября 1994) — в 1945 году опубликовал работу «Открытое общество и его враги». Для него «открытое общество» основано на демократии и критическом мышлении граждан. Решения принимаются на основе консенсуса, а политическая элита регулярно сменяется мирным путем. Поппер утверждал, что теории идеального государственного управления нет и не может быть. Политическая система должна позволять правительству гибко корректировать проводимый политический курс. Чтобы эта коррекция происходила плавно, в обществе должны существовать и мирно конкурировать различные точки зрения. Таким образом, в обществе должен утвердиться подлинный и действенный плюрализм.

рейское братство представляло собой смесь мистицизма и рационализма. Он остался в истории не только великим философом, но и харизматичной личностью. Пифагорейцы полагали, что слова и мысли их лидера — боговдохновенные. Многие из происходившего с ним не поддаются рациональному объяснению. Такая подавляющая безусловная власть, поддержанная абсолютным единогласием и повиновением руководителю была вполне убедительной и для советского читателя. Таким образом, выстраивается любопытная параллель с советским обществом, столь же верящим в своего харизматического лидера, в единственно верную интерпретацию действительности. В глазах своих последователей Пифагор, Ленин и Сталин были универсальными гениями эпохи. Исторические и биографические детали усиливают эту параллель: каждый из них в свое время был изгнан, каждому приходилось играть роль пророка, за каждым были активные сторонники.

Сектантская замкнутость пифагорейцев, их беспрекословное подчинение авторитету своего учителя и даже превращение Пифагора в сакральную персону находят в подтексте произведений Гроссмана очевидные параллели с ролью Ленина и безусловным авторитетом «марксистско-ленинской философии» в общественном сознании советских людей. Фраза Гераклита «все течет» стала названием одной из вершинных повестей Гроссмана. Английский исследователь Франк Эллис считает ее подведением черты «под всем советским экспериментом и подкреплявшей его идеологией».¹³

БОРЬБА СТИХИЙ

Одним из наиболее важных для советской идеологии мыслителей древности был Гераклит: «Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин рассматривали его в качестве одного из первооткрывателей диалектического понимания истории. В комментариях к Гегелю и Лассалю Ленин называет Гераклита одним из основателей диалектики»,¹⁴ — пишет Ф. Эллис. Мы уже видели некоторые точки соприкосновения между философией Гераклита и заложенными в прозе Гроссмана идеями. Карл Поппер показывает, как модель мира, предложенная Гесиодом, была опрокинута Гераклитом. «Стабильное и неизменное мироздание из статичной совершенности превращается в его учении в подвижный, постоянно изменяющийся организм. 'Все сущее движется и ничто не остается на месте' и 'Дважды тебе не войти в одну и ту же реку' — вот два центральных тезиса

13 F. Ellis, "Soviet Russia through the Lens of Classical Antiquity: An Analysis of Greko-Roman Allusions and Thought in the Oeuvre of Vasilii Grossman," in Peter I. Barta, David HJ. Lamour, and Paul Allen Miller, eds., *Russian Literature and the Classics* (Amsterdam: Harwood Academic Publishers GmbH, 1996), p. 134.

14 Ellis, "Soviet Russia," p. 132.

его философии»,¹⁵ — отмечает К. Поппер. Иными словами, «все течет» — так и называлась последняя повесть Гроссмана, оставшаяся неопубликованной при жизни писателя.

Другая черта философии Гераклита — сведение жизни к огню, к процессам горения. Огонь — наиболее могущественная, универсальная в его понимании стихия. В горении — и мудрость, и мера, и разум, и, главное, — закон. Относясь к процессу горения как к закону, Гераклит пытался внести упорядоченность в мир.¹⁶

Как известно, в древнегреческой философии четыре основные стихии: огонь, вода, воздух, земля. В космогонии Гроссмана огонь поглощает все.

У Гроссмана огонь не упорядочивающая, не очищающая, а уничтожающая сила:

Но как передать чувство человека, разжимающего руку жены, и этот последний быстрый взгляд на милое лицо? Как жить, безжалостно вспоминая, что в миг молчаливого расставания глаза твои в какую-то долю секунды заморгали, чтобы прикрыть грубое радостное чувство сохраненного существования? Как утопить память о том, что жена сунула мужу в руку узелок, где было обручальное кольцо, несколько кусков сахара, сухарь? Неужели можно существовать, видя, как с новой силой вспыхнуло зарево в небе — то горят руки, которые он целовал, глаза, радовавшиеся ему, волосы, чей запах он узнавал в темноте, то его дети, жена, мать?¹⁷

Горение для него вовсе не «закон» и не «разум», а умирание и истребление. Огонь — символ смерти. Это соответствует советскому представлению о смерти. Именно в советское время впервые в России «стала популярной» кремация покойников. В сатирическом советском романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» начальник спрашивает у швейцара учреждения, не пора ли тому в крематорий. Пожилой швейцар «бодро и радостно» отвечает: «В наш советский колумбарий!». В русском романе «деликатный» начальник посылал бы швейцара не в крематорий, а сразу на кладбище...

Огненные метафоры всегда были метафорами смерти в русской культуре. В русском языке весьма активны эти формулы: «сгорел на работе» — об офисном сотруднике (!), «сгорел от рака» — о смерти онкологического больного и т.п. В русской мифологии огонь кормит, учит, лучит, освещает, огонь — это цивилизация.

15 Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. М.: Культурная инициатива-Soros Foundation, 1992. Т. 1. С. 42.

16 Поппер К. Открытое общество. Т. 1. С. 44–45.

17 Гроссман В. Жизнь и судьба // Гроссман В. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Вагриус, Аграф, 1998. Т. 2. С. 404.

Роман «Жизнь и судьба» открывается сценой горящей Волги. Нацисты подожгли нефтехранилище, и нефть течет по склонам к Волге, словно выливающаяся из вулкана лава. Четыре стихии древнегреческой философии — основа и гроссмановской философии. Огонь — всепоглощающая стихия. В ней нет никакой очищающей силы. Огонь несет уничтожение и смерть. Вода не тушит огонь, наоборот, она горит. В описании сталинградской битвы, когда описывается горящая нефть, загорается даже Волга. Горящая Волга оказывается непреодолимой стеной для нацистов. Воздух обжигает солдат. Он разносит уничтожающий все живое жар огня. Земля передает жар огня. Она горит под ногами.

Четыре стихии древнегреческой философии были актуальны и для философов — предтечей постмодернистской философии. Прodelавший сложную, даже замысловатую эволюцию французский философ Г. Башляр пишет:

Огонь и тепло дают ключ к пониманию самых разных вещей, потому что с ними связаны неизгладимые воспоминания, простейший и решающий опыт каждого человека. Огонь, таким образом, представляет собой исключительное явление, способное объяснить все. Если все постепенные изменения можно объяснить самой жизнью, то все стремительные перемены имеют причиной огонь, обладающий избытком жизни. Огонь — это нечто глубоко личное и универсальное. Он живет в сердце. Он живет в небесах. Он вырывается из глубин вещества наружу, как дар любви. Он прячется в недрах материи, тлея под спудом, как затаенная ненависть и жажда мести. Из всех явлений он один столь очевидно наделен свойством принимать противоположные значения — добра и зла. Огонь — это сияние Рая и пекло Преисподней, ласка и пытка. Это кухонный очаг и апокалипсис. Он доставляет радость ребенку, смирно сидящему у печи; но он же наказывает за непослушание того, кто затеет с ним слишком дерзкую игру. Он дает блаженство и требует почтительности. Это божество охраняющее и устрашающее, щедрое и свирепое. Огонь противоречив, и потому это одно из универсальных начал объяснения мира.¹⁸

Это цитата из ранней работы Гастона Башляра «Психоанализ огня», которая была написана еще до начала Второй мировой войны. Какое умиротворяющее и восхищенное обращение к огню мы видим у французского философа!

У Гроссмана отношение к огню совершенно иное. Вышедшие из Египта евреи видели перед собой Огненный столп. Этот символ Божественного присутствия освещает исторический путь еврейского народа, вплоть до Холокоста. Однако Холокост изменил отношение к огню.

Для Гроссмана огонь — это ад лагерных крематориев, в которых погибли миллионы его единоверцев. Не только земля горит в мире Гроссмана, но и вода, и раскаленный воздух опаляет лица, бронхи и легкие солдат.

18 Башляр Г. Психоанализ огня. М.: Прогресс, 1993. С. 7–8.

В философии Гроссмана огонь только уничтожает, не оставляя за собой ничего живого. Огонь — это знак Холокоста, о котором Гроссман начал писать первым в русской литературе.

Последующие работы Г. Башляра составили серию «грёз» — грёзы о воздухе, о воде, о покое. У героев Гроссмана нет грёз. У них нет снов — это глубинный уровень психоанализа, по Башляру. У героев Гроссмана воображение — более поверхностный уровень психоанализа — сдерживается силой инстинктов, главный из которых — инстинкт жизни.

ИДЕАЛ СВОБОДЫ

Гроссман одним из первых в русской литературе провел параллель между гитлеровским и сталинским тоталитаризмом. Закон свободы представлялся писателю главным «естественным» законом. Все законы тоталитарного государства оказывались перед ним смешными и жалкими. Карл Поппер в главе «Правовая и социальная система» предупреждает «Однако надо помнить следующее важное предостережение: если мы ослабим нашу бдительность и если, предоставляя государству больше власти через интервенционистское 'планирование', не будем одновременно усиливать наши демократические институты, то можем потерять свободу. А если свобода будет потеряна, то будет потеряно и все остальное...».¹⁹

Задолго до отечественных политологов (которые появились только через 25–30 лет после смерти писателя) Гроссман задумался над важнейшей философской проблемой: изменяет ли тоталитарный строй человеческую природу? Конечно, изменяется этика, навязываются эстетические нормы и критерии тоталитарного общества, но сохраняется ли в людях человечность как таковая? Хотя о многих философских проблемах в его произведениях спорят персонажи, наиболее важные темы он доверял только повествователю, словно подчеркивая свое особенное личное отношение к ним:

Претерпевает ли природа человека изменение, становится ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным? В ответе этом — судьба человека и судьба тоталитарного государства. Изменение самой природы человека сулит всемирное и вечное торжество диктатуре государства, в неизменности человеческого стремления к свободе — приговор тоталитарному государству.²⁰

Как мы видим, свобода является для Гроссмана абсолютной мерой вещей. Идеал В. Гроссмана — безграничная внутренняя свобода и суверенность всякой личности. Отказ от свободы — смерть для личности, для всего общества как социального уклада, а вслед за этим — и для человечества:

19 Поппер К. Открытое общество. Т. 2. С. 152.

20 Гроссман. Жизнь и судьба. С. 152.

Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но его нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое или замаскированное, сверхнасилие есть основа тоталитаризма. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего.²¹

Выразителями идеала свободы являются в «Жизни и судьбе» самые разные герои, так или иначе близкие автору по своим убеждениям и устремлениям. Примечательно, что в самом произведении нет какого-то одного образа, прямо отражающего авторский идеал, он как бы разлит по всему внутреннему миру произведения и выявляется из противопоставлений по сходству, различию, из сближений и отдалений персонажей, их раздвоений, полного их перевоплощения в различные социальные роли, исполняемые кем-то по желанию и внутреннему влечению, а кем-то по прихоти судьбы. «На пике хрущевской антисталинской кампании, которая видела публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» и некоторых рассказов Солженицына, произведения Гроссмана были запрещены, а их автор превращен в 'нелицо'»,²² — пишет Джон Гаррард, используя новоязовский термин Джорджа Оруэлла. «Почему такая разница?» — задается он вопросом и пытается на него ответить:

Дело в том, что Солженицын сузил свою точку зрения на преступления Сталина, строго ограничил время и место (что не отнести к его достижениям). Гроссман же в «Жизни и судьбе» совершил кардинальный грех обобщения «отдельных случаев» и, таким образом, напал на самую идеологическую основу режима.²³

В повести «Все течет...» тема эта продолжена и еще более заострена. Советское государство во время написания повести вступило в очередной этап своего развития: «Государство без свободы вступило в свой третий этап. Его заложил Ленин. Его построил Сталин. И вот наступил третий этап — государство без свободы построено, как говорят строители, введено в эксплуатацию. [...] Фундамент небоскреба — несвобода — по-прежнему незыблем. Что же дальше будет? Так ли уж незыблем этот фундамент?».²⁴

Попперовское толкование идеи «неконтролируемого суверенитета», известной еще со времен Платона, доказывает, что даже самая могущественная власть не в состоянии удержаться без опоры на секретные службы, на приспешников тирана и его палачей. Неконтролируемую власть следует все же контролировать и уравнивать. К. Поппер приводит

21 Гроссман. Жизнь и судьба. С. 153.

22 J. Garrard, "The Original Manuscript of Forever Flowing: Grossman's Autopsy of the New Soviet Man," *Soviet and East European Journal* 38:2 (1994), p. 272.

23 Garrard, "The Original Manuscript," pp. 272-273.

24 Гроссман В. Все течет // Гроссман В. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. С. 364.

«парадокс свободы» — размышления Платона о том, что абсолютно свободный человек может использовать свою абсолютную свободу сначала для поправления законов, а затем и для поправления самой свободы — уже в пользу тирана. Этот парадокс свободы оборачивается еще и парадоксом демократии: большинство часто выступает за харизматического тирана, а потому и демократы вынуждены разрываться между, с одной стороны, противостоянием тирании и «неконтролируемому суверенитету», с другой — поддержкой воли большинства: ведь реализация политической воли большинства и есть торжество демократии. И был ли прав Гераклит, когда настаивал «Закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного»?²⁵

В повести «Все течет...» Гроссман дает слово на воображаемом суде сексотам и доносчикам, которые приводят в свою защиту следующий аргумент: «Помните, у Льва Николаевича: нет в мире виноватых! А в нашем государстве новая формула — все, миром, виноваты, и нет в мире ни одного невинного».²⁶ В этом пункте переключка между идеями Карла Поппера и Василия Гроссмана обретает удивительно точный характер. Создается впечатление, что два мыслителя не полемизируют, но в незримом соавторстве уточняют важнейшую для понимания открытого общества дефиницию: «И все же в муках, в грязи, в мути лагерной жизни светом и силой лагерных душ была свобода. Свобода была бессмертна».²⁷

Утверждая бессмертие свободы, Гроссман словно спохватывается. Он боится декларативного трескучего стиля. Ему необходимо перевести философские категории в наглядные единичные примеры, в мелочи быта, в привычные ежедневно повторяющиеся действия:

В маленьком городке, живя у вдовы сержанта Михалева, Иван Григорьевич шире, сильнее стал ощущать смысл свободы.

В житейской борьбе, которую ведут люди, в ухищрениях рабочих, добывавших ночным трудом лишний рубль, в битве колхозников за хлеб и картошку, за свою естественную трудовую выгоду он угадывал не только желание жить лучше, досыта накормить детей и одеть их. В борьбе за право шить сапоги, связать кофту, в стремлении сеять, что хочет пахарь, проявлялось естественное, неистребимо присущее человеческой природе стремление к свободе. И это же стремление он видел и знал в лагерных людях. Свобода казалась бессмертной по обе стороны лагерной проволоки.²⁸

Философские идеи Василия Гроссмана невозможно свести в цельную систему. Однако мы видим, что стихии древнегреческой философии в них не сбалансированы: стихия огня оказывается преобладающей над другими. Идеи Гроссмана оказываются весьма близкими к идеям Карла

25 Поппер К. Открытое общество. Т. 1. С. 164.

26 Гроссман. Все течет. С. 295.

27 Гроссман. Все течет. С. 308.

28 Гроссман. Все течет. С. 308.

Поппера: мировоззренческий плюрализм, представление об открытом обществе как наиболее органичной социальной среде для современного человека. Все послевоенное творчество Василия Гроссмана устремлено к философскому идеалу свободы. Спустя полвека после смерти писателя нас удивляет сила писательского мастерства, метафорически, а порой и дискурсивно выразившего многие философские идеи, получившие признание значительно позже, уже в изменившемся мире.